

*Д.Г. ШКАЕВ,
научн. сотр. ИНИОН РАН*

МОЛОДЕЖЬ В РОССИИ И МИРЕ: СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ПРОЦЕССЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Роль молодого поколения в обществе постоянно возрастает. Этому способствуют фундаментальные изменения, происходящие в экономике, политике и социальной сфере нашей страны. Молодежь уже осознает себя как деятельную и весьма эффективную силу, активизирующуюся в различных общественно-политических ситуациях, а международный опыт подтверждает, что в развитии социума на сегодняшний день молодежь становится одним из определяющих факторов.

Трансформация общественного сознания и социально-политических систем, развитие гражданских институтов и эволюция механизмов государственного регулирования еще раз позволяют выделить молодежь в особую часть социума, качества которой не только предвосхищают политическую, экономическую, демографическую и прочие ситуации в стране, но и, вне всяких сомнений, определяют перспективы исторического развития планеты. А ментальные характеристики молодого поколения рано или поздно найдут непосредственное отражение в стратегии национального развития государства и определят его положение в процессах глобализации.

Сегодня необходимо обратить пристальное внимание на менталитет молодого поколения. На практике проблемы молодежи решаются преимущественно педагогическими средствами, что за-

частую приводит к односторонней направленности в ее изучении. Поэтому сегодня очень важен социально-философский подход к исследованию менталитета молодого поколения, позволяющий внести реальные предложения по коррекции последнего и, более того, – развитию самого общества.

К 50-м годам XX в. в Западной Европе и США сложился общественный строй с такими социально-экономическими и социально-политическими характеристиками, которые вызвали пересмотр социокультурных норм и как следствие – новый механизм социализации личности. Менталитет западной молодежи 60-х годов уместно сравнить с призмой, сквозь которую социальные проблемы воспринимались с акцентом на нравственные и социокультурные утраты поколения, поднимавшего при этом вопросы о смысле жизни, смерти, грехе, покаянии, вине, ответственности и достоинстве личности. Поэтому молодежные движения оказались закономерным следствием данных процессов. В нашей стране также сложилась подобная ситуация – но уже после распада Советского Союза. Психолог В.В. Чистов (44) в этом отношении пишет, что в системе норм и ценностей может порой формироваться «субкультурная» сфера как следствие ослабления политического и идеологического направлений в воспитании и расширения социальной самостоятельности и инициативы молодежи. Вследствие этого ценности мировой культуры в ряде случаев вытесняются схематизированными стереотипами массовой культуры Запада, США, ориентированными на внедрение ценностей «американского образа жизни» в его примитивном варианте, провозглашающем сексуальную раскрепощенность и стремление к достижению поставленных целей любыми путями, часто насилием. Любимыми героями и, в определенной степени, образцами для подражания становятся, по данным опросов, для девушек – героини бульварных романов о любви, а для юношей – непобедимые супергерои триллеров. Подобная вестернизация ведет к проявлению таких черт социального поведения, как прагматизм, жестокость, неумеренное стремление к материальному благополучию, а такие моральные качества, как вежливость, кротость и уважение к окружающим в угоду моде относят к числу архаизмов. Совсем не безобидной, с точки зрения Чистова, в этом смысле является и реклама, пропагандирующая порой «свободные» от морали идеалы.

Впрочем, по замечанию Г.В.Ф. Гегеля, существует старая и давно набившая оскомину жалоба, которую вновь и вновь повторяют представители старшего поколения, – жалоба на то, что молодежь, с которой им теперь приходится иметь дело, куда менее покладиста и хуже воспитана, чем были в молодости они. Действительно, молодежные движения довольно часто тяготеют к общественно-политическим или контркультурным направлениям, для которых характерны радикальный протест и отрицание существующего порядка в обществе, культуре, политике или экономике. В немалой степени это связано с тем, что к идеологическим источникам протesta можно отнести экзистенциализм и фрейдизм. Но не менее важен тот факт, что в конце 60-х – начале 70-х годов на сознание западной молодежи существенное влияние оказала Франкфуртская школа философии, внезапно оказавшаяся в центре движений социального протеста. Наиболее популярными идеологами стали Герберт Маркузе и Эрих Фромм, идеи которых сами по себе уже являлись результатом любопытной комбинации исходных постулатов франкфуртской философии с основательно пересмотренным фрейдизмом. Например, опубликованная в 1964 г. работа Маркузе «Одномерный человек» пользовалась неизменной популярностью среди французских и американских студентов. «Цивилизации приходится защищаться от призрака свободного мира... – писал Маркузе, – защита состоит в усилении способов контроля не столько над влечением, а главным образом над сознанием, ибо, оставленное без внимания, оно может разглядеть во все более полном удовлетворении потребностей репрессию» (23, с. 86). Этим призывам охотно внимали на противоположной стороне Атлантики, ведь репрессивная мощь цивилизации, связанный с ней прогресс отчуждения и – как следствие – угроза в форме отчужденного мира наносили удар по фундаменту идентичности, дискредитируя идею американской мечты.

Сам термин «идентичность» прочно вошел в философию в начале XX в. в связи с выходом основных трудов Э. Эрикссона, в основу терминологического аппарата которых легло, в том числе, понятие «идентификация», впервые использованное в работах З. Фрейда. Эволюция идей идентичности наметилась в трудах Х. Гартмана, Д. Рапопорта, Э. Криса. В различных аспектах исследование проблем идентичности молодого поколения отражено

в трудах Р. Баумайстера, Э. Гидденса, У. Джеймса, А. Маслоу, Ж. Пиаже, К. Роджерса, Х. Салливена, Ю. Хабермаса, В. Хесле, К. Юнга и др.

Важно отметить, что универсальной особенностью всех представителей фрейдизма было сведение идентичности к бессознательным структурам, когда исследуемый феномен ограничивался детским возрастом и отсутствовало четкое разделение понятий «идентификация» и «идентичность». Так, К. Юнг и А. Адлер полагали, что замкнутость индивида на себя не является источником становления человеческого, и подчеркивали необходимость изучать «социальное окружение», как его впоследствии назовет Эриксон. В противоположность им Н.А. Бердяев, Г. Шпет, П. Флоренский, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Т. Адорно и Ж.-П. Сартр по сути независимо друг от друга высказывали мысль о том, что целостность и непрерывность личностного сохраняются исключительно в метаморфозах индивидуального существования.

Э. Фромм (41) также активно задействовал в своих исследованиях проблематику становления личности, используя все тот же термин «идентичность», утверждая, что когда человек предпочитает быть, а не иметь, он не испытывает тревоги и неуверенности, порождаемых страхом потерять то, что имеешь. Никто не в силах угрожать безопасности человека и лишить его чувства идентичности, если центр его существа находится в нем самом; а его способности быть и реализовать свои сущностные силы – это составная часть структуры его характера, и они зависят от него самого.

Но уже в работах Эриксона более важным становится развитие идентичности (эго-идентичности) именно в молодежной среде, что в значительной степени вытесняет тему либидо. Эриксон, таким образом, расширил теорию психосексуального развития Фрейда, включив в нее психосоциальное развитие индивида на этапах детства, отрочества, юности и т.д. Работа Эриксона «Детство и общество» вышла в 1974 г. одновременно с «Поколением скептиков» Х. Шельски, но в отличие от работы последнего сконцентрирована не на становлении индивида в формате социальных институтов, а на такой форме социализации, когда половое созревание ощущается как важная перемена и стимулирует настолько повышенное внимание к себе, что молодой человек задается вопросом о том, как он выглядит в глазах окружающих (54, с. 256). Ощуще-

ния, которые он испытывает, не совпадают ни с адаптированными социальными ролями, ни с идеальными образами. С точки зрения Эрикссона, перед молодым индивидом рано или поздно встает задача собрать в единое целое все социальные роли, осмыслить, связать с прошлым и проецировать в будущее. Если молодой человек успешно справится с этой психосоциальной идентификацией, у него появится ощущение того, кто он есть, где находится и куда идет. Но в определенных ситуациях молодежь инстинктивно стремится к «негативной идентификации», отождествляя себя с образом, противоположным тому, который хотели бы видеть окружающие.

Известный западный специалист Тернер де Сейлс (53) утверждает на страницах «Youth Studies Australia», что, пытаясь произвести самоидентификацию и влиться в социум, молодежь сталкивается с испытаниями физического, эмоционального, социального, психологического и культурного характера. Особенно это касается пубертатного периода, когда остро встает проблема отсутствия жилья и работы, возникают проблемы внутри семьи и в школьной среде, растет проблема маргинализации. Эти факторы угрожают взаимопониманию поколений, и такая ситуация говорит о том, что следует попытаться перенести свои рассуждения из плоскости среднесрочных перспектив в область точечного решения проблем, с которыми сегодня сталкиваются молодые люди.

Де Сейлс напоминает, что, согласно прогнозу Всемирной организации здравоохранения, к 2020 г. именно депрессия станет основным отрицательным фактором физического и нравственного здоровья молодежи. Более того, в США подростки составляют единственную категорию, у которой показатели физического и нравственного здоровья за последние 30 лет не изменились в лучшую сторону.

По мнению де Сейлса, противовес суть феномен надежды, в предметном исследовании которого участвовали молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет. Итеративный процесс анализа полученных данных выстраивался на основе герменевтики Гадамера. Это привело к идентификации у участников исследования горизонтов надежды, которые, согласно Гадамеру, являются предметом непосредственного бытия, частью нашей собственной интерпретации реальности, выражающей частную точку зрения, перманентно во-

влеченню в процесс формации в жестких рамках прошлого и фобий сегодняшнего дня.

Участники исследования проявили свои ожидания на четырех горизонтах, которые, будучи сведенными, выявляют сущность данного феномена. Этими горизонтами стали: опыт бытия в себе, движущая сила, установление взаимосвязей и существование в них, а также наличие выбора и разнообразных вариантов. Например, опыт бытия в себе участники исследования выражали различными способами. Для некоторых это было понимание того, какие моменты их жизни являются верными, для других – уверенность в том, что жизнь непременно наладится. Обсуждая внутреннее ощущение надежды, участники этого исследования не только осуществили интерпретацию феномена надежды и взаимосвязь онного с их собственными жизнями, но также проявили себя творцами культуры. Согласно Рэю и Андерсону, на которых ссылается де Сейлс, творцами культуры являются люди, совершающие гигантские подвижки на уровне самоидентичности и своим опытом и возврзениями вносящие вклад в эволюцию существующих культурных норм и традиций, независимо от того, осознают они эти изменения или нет.

Творцы культуры, полагает де Сейлс, раздвигают границы идеологии социального капитала, выдвинутой Э. Коксом, акцентирующим внимание на силе индивидуума, заключающейся в эффективных изменениях.

По мнению К. Манхейма, социальная функция молодого поколения заключается именно в формировании новых подходов к накопленному культурному наследию. Тем более что, согласно учению о социальной динамике О. Конта, стремление общества к устойчивому положению неизбежно требует противовеса в виде социального прогресса. Именно так, под давлением официальной идеологии социально-политического строя 50–60-х годов XX в., в Соединенных Штатах возникло и развилось первое молодежное движение.

Психолог Чистов (44) отмечает, что формирование мировоззрения молодежи как системы принципов ценностного отношения к миру является неотъемлемым компонентом воспитания подрастающего поколения. Убеждения и приверженность идеи, которую человек признает справедливой и правильной, определяются, несомненно, уровнем общественного развития, состоянием науки и

просвещения. Решающие условия развития мировоззрения человека – его активное участие в жизни общества и процесс социализации, который начинается с младенческих лет, оформляется в период детства и юности, когда закладываются основные знания о нормах этики, происходит приобщение к этническим традициям народа, формируются убеждения и стереотипы поведения в обществе.

Еще в XIX в. американским философом Р. Эмерсоном, пытавшимся увязать метафизические и психологические проблемы общественных настроений, был введен термин «ментальность». Понятие «коллективные ментальности» использовалось также французским историком А. де Токвилем, автором книги «Демократия в Америке», вышедшей в 1835 г., который стремился обнаружить источники предубеждений и стереотипов, распространенных в описываемом им американском обществе. И по большому счету, первопричиной студенческих волнений в США, а также майских событий 1968 г. во Франции послужил все тот же комплекс расовых и социальных проблем, решение которых не найдено и по сей день, невзирая на динамичное развитие общественного строя.

Современный исследователь С. Солберг (58) утверждает, что сегодня осознание потребностей американской молодежи привело к развитию национальной модели работы с молодежью, когда молодым людям оказывается всесторонняя поддержка для достижения успеха в процессе обучения в школе и в дальнейшей жизни. В США продолжают оставаться проблемой перспективы работы для молодых людей, не имеющих диплома высшей школы, в то время как их дипломированные сверстники получают шанс на работу в четыре раза чаще. При этом каждому американцу гарантирована возможность попасть в образовательную систему, и это единственный социальный институт, старающийся позаботиться о каждом ребенке в стране. Молодые люди по разным причинам испытывают давление в контексте макро- и экзосистем, которые существуют в молодежной среде, окружающей их в школе и вообще в жизни. Школьному руководству приходится сталкиваться с эмоциональными и психологическими препятствиями, подвергающими молодых людей различным жизненным рискам. Предпринимая усилия по продвижению идеологии социальной справедливости, школьное руководство в целях формирования академической перспективы развивает взаимоотношения между учеником и учителем

и пытается управлять факторами, оказывающими влияние на жизнь молодого человека.

На период студенческих волнений 60-х годов XX в. пришлось наиболее ощутимое влияние идей Маркузе, который, впрочем, на страницах одного из журналов утверждал, что ощущает свою солидарность с движением возмущенных студентов, но ни в коей мере не является их рупором. И лишь очень немногие студенты читали хоть что-нибудь из им написанного. Поэтому вряд ли стоит напрямую увязывать опубликованные работы Маркузе с многоэлементной идеологией молодежного движения 60-х годов. Однако все это привело к тому, что в адрес критической теории Маркузе и других представителей Франкфуртской школы современники стали выдвигать резкие и зачастую оправданные замечания. «Не могу себе представить, – парировал Маркузе, – как можно победить общество, которое мобилизовано и организовано в борьбе против всякого революционного движения, против всякой эффективной оппозиции» (23, с. 237).

Сегодня термин Маркузе «великий отказ» применяется, когда речь идет о протесте, направленном не только на образ жизни и мышления, бытовавший в западных государствах на рубеже 60–70-х годов, но также и на полюс, противоположный либерально-демократической системе и существовавший в те годы в границах СССР. Подобное отношение связано, прежде всего, с тем, что в идеологии молодежных движений не существовало принципиального различия между упомянутыми системами, поскольку в основании обеих лежали одинаковые принципы рациональности, обусловленной стратегическими решениями «холодной войны», ядерным паритетом и всеобъемлющей гонкой вооружений.

Именно в силу коммунистической идеологии в советской науке еще в 1920-е годы был сформирован широкий пласт литературы, посвященной проблемам рабочей и учащейся молодежи в аспектах психологии, педагогики и социологии. Эта тенденция прослеживается в работах И.А. Арямова «Рабочий подросток» (1928), А.И. Колодной «Интересы рабочего подростка» (1929), в теоретико-методологических позициях таких специалистов, как П.П. Блонский, Л.С. Выготский, А.С. Макаренко. Концепция последнего, по мнению некоторых ученых, ведущая к тоталитарному подчинению личности, тем не менее и сегодня сохраняет свое эв-

ристическое значение в отношении детского и юношеского коллектива. В 20-е годы некоторые темы вводятся в научный дискурс под влиянием фрейдизма, и в изучении молодежи формируется психоаналитический уклон, что связано с интересом к возникающим молодежным организациям и движениям. Для современного исследователя большее значение приобретают изыскания советских ученых с середины 1960-х годов, когда в СССР формируются новые условия для развития общественных наук. Пример тому – Высшая комсомольская школа, функционировавшая с 1969 по 1990 г. как научно-образовательный комплекс, ориентированный на разработку проблем молодежи, и Научно-исследовательский центр, созданный при ней в 1976 г. На базе Института социологии АН СССР в 1985 г. был создан Центр социологии молодежи. Деятельность центра и сегодня связана с разработкой новых социологических и социально-философских концепций в области ювенальных дисциплин, например роли молодого поколения в общественном воспроизводстве; с изучением проблем интеграции молодежи в условиях социальной нестабильности; с разработкой особенностей положения молодежи в «обществе риска» и т.д. Но в Советском Союзе в 1960–1980-е годы серьезный импульс получали преимущественно эмпирические исследования по молодежной проблематике – так называемая социология молодежи. Этот научный интерес был связан, прежде всего, с активной деятельностью молодежных организаций и движений под эгидой коммунистической идеологии.

И.С. Кон (20), формулируя определение молодежи, отмечал, что конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации.

По мнению Д. Коулмана (21), именно социальный капитал является концептуальным инструментом в развитии социума. Это идентификация аспектов социальной структуры с их функциями, или – точнее – ценность аспектов социальной структуры как ресурсов для акторов, стремящихся к достижению своих целей. В основе ресурсов индивида лежат социальные отношения: обязательства и ожидания, детерминированные надежностью социальной среды; способность социальной структуры к передаче инфор-

мации; такие ее свойства, как замкнутость, априориативность социальных организаций. Как считает Коулман, акторы, создающие социальный капитал, обычно получают только малую его часть, что ведет к недостаточному инвестированию в социальный капитал. Сегодня отечественные авторы (например, И. Попова, Е. Кутафина, Б. Роднянский и др.) также склонны рассматривать социальный капитал как форму общественного блага. Носителем определенного социального капитала выступает социальная группа, общество, государство или один из его институтов.

Некоторые российские социологи полагают (24), что на постсоветском пространстве все большую роль приобретает социальный капитал, позволяющий решить проблемы, обусловленные, например, состоянием материального обеспечения. Связи молодых людей направлены на решение стратегических задач, формирующих траекторию жизненного пути: поступление в вуз, устройство на хорошую работу, карьера.

Впрочем, с точки зрения Л. Осборна (56), чтобы понять, какого рода социальный капитал аккумулирует в своей среде молодежь, нужно в первую очередь исследовать ее жизненный опыт и отношение к жизни. У разных групп эти детерминанты различаются, идет ли речь о гендерных или этнокультурных признаках. При изучении эволюции социального капитала и подборе соответствующего инструментария (так называемый onyx and bullen adult scale) выявляются четыре основополагающих блока, формирующих и развивающих социальный капитал молодежи: «доверие», «социальная поддержка», «толерантность», «жизненные ценности», а также четыре социальные ниши, где возможна реализация вышеуказанных элементов: «взаимодействие сообществ», «взаимоотношения с соседями», «взаимоотношения с друзьями и близкими», «взаимоотношения на работе».

Релевантность социального капитала молодежи напрямую связана с возрастными показателями. Изучение социального капитала молодежи идентично изучению социального капитала взрослого населения и в то же время отличается от него. Сходство заключается в сетевом принципе реализации социального капитала, однако наполнение этих сетей – уже фактор отличия. Молодые люди являются жертвами, ибо в исторической перспективе социальные проблемы вырастают из проблем внутрисемейных, если

реалии небольшого закрытого коллектива не соответствуют ожиданиям общества. Следующий шаг – обвинение самих молодых людей в безынициативности и маргинализации среды, когда их выбор сводится к тому, чтобы только бежать от проблем или вовсе сдаться. Ситуация в небольших городках призывает к фундаментальной интеграции институтов общества для активизации социального капитала молодежи. Ведь молодежь остается непременным репрезентантом будущего.

По мнению И.В. Волоскова (6), и сегодня на постсоветском пространстве система традиционных ценностей во многом определяется менталитетом и духовными традициями русской культуры. Либеральные реформы, происходившие в России в 90-х годах XX в., оказали достаточно противоречивое влияние на духовное и нравственное здоровье нации. И чтобы выявить ценностные константы, посредством которых молодое поколение воспринимает окружающую действительность, следует обращаться к трудам Н. Бердяева и И. Ильина.

Так, Н. Бердяев (3), подвергая анализу сущность российского менталитета, выделяет в нем свойства амбивалентности, противоречивости, дуализма, а также поразительную, на его взгляд, способность содержать в себе одновременно жажду свободы и рабскую покорность. По убеждению философа, противоречивость русской души определялась сложностью русской исторической судьбы, столкновением и противоборством в ней восточного и западного элементов. Душа русского народа была сформирована православной церковью, она получила чисто религиозную формацию. Но в ней остался сильный природный элемент, связанный с необъятностью русской земли, с безграничностью русской равнины. Бердяев отмечал, что в типе русского человека всегда сталкиваются два элемента – первобытное, природное язычество, стихийность бесконечной русской земли и православный аскетизм, устремленность к потустороннему миру. Для русского народа одинаково характерны и природный дионисизм, и христианский аскетизм. По мнению Бердяева, бесконечно трудная задача стояла перед русским человеком – задача оформления и организации своей необъятной земли. Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души. Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли – та же безграничность, бесформенность,

устремленность в бесконечность, широта. Как полагает Бердяев, религиозная формация русской души выработала некоторые устойчивые свойства: догматизм, аскетизм, способность выносить страдания и приносить жертвы во имя своей веры, какова бы она ни была, устремленность к трансцендентному, которое относится то к вечности, к иному миру, то к будущему, к этому миру. По мнению Бердяева, религиозная энергия русской души обладает способностью переключаться и направляться к целям, которые не являются религиозными, например к социальным. Формирование менталитета происходит, согласно Бердяеву, как под влиянием культурных и религиозных традиций общества, так и в зависимости от исторической судьбы нации.

В идеях Бердяева прослеживается естественный детерминизм, когда он утверждает, что в российском менталитете стремление к свободе связано с влиянием просторов равнины на духовный мир человека. И. Ильин в работе «Сущность и своеобразие русской культуры» развивает идею Бердяева, выявляя ценностные доминанты русского менталитета. Но, поддержав мысль о симбиозе язычества и православия, он пытается исследовать каждый из компонентов в отдельности. Стремление к свободе, детерминированное географическими условиями, по мнению Ильина, находит выражение в «самоутверждении народа, в его стремлении к самобытности, самостоятельности, самоосмыслинию» (18, с. 13). Кроме того, Ильин отмечает такие базовые черты русского менталитета, как терпение, совестливость, щедрость и добродушие. Он пишет, что русские «...по натуре деятельны и страстны. Русский таит в себе целый заряд напряженности, своеобычную мощь бытия и существования, пламенное сердце, порыв к свободе и независимости» (18, с. 14).

По свидетельству исследователя Волоскова (6), терпимость как важнейшее свойство менталитета не свойственна современному студенчеству. Потребностная революция, пропаганда общества массового потребления привели к тому, что студенты хотят достичь своих целей как можно быстрее, затрачивая при этом минимальные усилия. Исследование студентов МГУ, проведенное И.В. Васениной (5), свидетельствуют о том, что уже через 15 лет 75% респондентов видят себя материально обеспеченными и процветающими людьми. Однако, отмечает Волосков (6), прагматизация духовного

мира не означает исчезновения духовности как важнейшей характеристики русского человека.

Литература

1. Александрова Е.А. Педагогическое сопровождение старшеклассников в процессе разработки и реализации индивидуальных образовательных траекторий: Дис... канд. пед. наук: 13.00.01. – Тюмень, 2006. – 170 с.
2. Барановская Т. Состояние региональных рынков труда РФ и проблемы их регулирования // Проблемы теории и практики управления. – М.: 2004. – № 1 – С. 28–34.
3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
4. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека / Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. – СПб.: Амфора, 2001. – 320 с.
5. Васенина И.В. Эволюция ценностных ориентаций университетского студенчества // Мир студенческой и молодежной науки: Приоритетные национальные проекты – инновации – молодежь. – М.: ИНИОН РАН, 2007. – С. 143–149.
6. Волосков И.В. Роль менталитета в формировании системы ценностей российского студенчества // Молодежь и будущая Россия: Материалы Третьей всероссийской научно-практической конференции. Сб. науч. тр. / ИНИОН РАН. – М., 2008. – С. 291–293.
7. Вопросы молодежной политики Московского университета / Под общей ред. И.В. Ильина. – М.: МГУ, 2005. – Вып. 2. – 72 с.
8. Воронков С.Г., Иваненков С.П., Кусжанова А.Ж. Социализация молодежи: Проблемы и перспективы: Ежегод. докл. о положении молодежи г. Оренбурга. – Оренбург, 1992. – 66 с.
9. Вундт В. Миф и религия // Мюллер М., Вундт В. История религии. От слова к вере. Миф и религия. – М.: ЭКСМО; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – С. 3–472.
10. Глобалистика: Международный энциклопедический словарь. – М., 2006. – 1160 с.
11. Глобальные проблемы современности и молодежь. – М.: МАКС пресс, 2005. – 178 с.
12. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале общественного мнения. Эпоха Хрущёва. – М., 2000. – Т. 1. – 444 с.
13. Жан Пиаже: Теория, эксперименты, дискуссии: Сб. статей. – М.: Гардарики, 2001. – 624 с.
14. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Тенденции социального развития молодежи в современном российском обществе // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального собрания РФ. – М., 2004. – № 31 (251). – С. 10–14.

15. Иваненков С.П., Иванов Ю.Б. Проблема стратегического регулирования регионального рынка труда в Российской Федерации // Credo new. – СПб.: 2003. – № 3. – Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/351/28/>
16. Иваненков С.П., Калмантаев Б.А., Кусжанова А.Ж. Социализация как ресурс регионального развития. – Оренбург, 1998. – 188 с.
17. Иваненков С.П., Шкаев Д.Г. Молодежь и рынок труда в условиях глобализации: Новые решения // Глобализация в контексте современности: Материалы международной конференции «Глобальный мир: Гуманитарный кризис или момент развития». – СПб., 2008. – С. 355–358.
18. Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. – М.: Русская книга – XXI, 2007. – 464 с.
19. Карпухин О.И. Молодежь России: Особенности социализации и самоопределения // Социологические исследования. – М., 2000. – № 3. – С. 124–128.
20. Кон И.С. Молодежь // Большая советская энциклопедия / Под ред. А.Н. Прохорова. – М., 1974. – Т. 16. – С. 479.
21. Коулман Д. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2003/12/13/0000139417/011kOULMAN.pdf>
22. Криворученко В.К. Исторический опыт и уроки осуществления молодежной политики // Молодежь и будущая Россия: Материалы Третьей всероссийской научно-практической конференции: Сб. науч. тр. / ИНИОН РАН. – М., 2008. – С. 10–13.
23. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. – М.: АСТ, 2002. – 526 с.
24. Молодежь новой России: Ценностные приоритеты: Аналитический доклад / Институт социологии РАН, 2007. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth.html
25. Московское студенчество об актуальных проблемах российского общества / Ковалева Т.В., Жогин А.И., Селезнева И.А., Степанова О.К., Юшина Т.И. // Россия: Глобальные вызовы и локальные риски. – М., 2005. – С. 640–648.
26. Мюллер М. Из лекций о языкоznании // Мюллер М., Вундт В. История религии. От слова к вере. Миф и религия. – М.: ЭКСМО; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – С. 453–860.
27. Никитченко О.В. К проблеме разработки и реализации молодежной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях власти // Молодежь и будущая Россия: Материалы Третьей всероссийской научно-практической конференции: Сб. науч. тр. / ИНИОН РАН. – М., 2008. – С. 39–41.
28. Павловский В.В. Ювенология: Проект интегративной науки о молодежи. – М.: Академический проект, 2001. – 304 с.
29. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. – М.: Мысль, 1971. – 351 с.
30. Пейперт С. Переворот в сознании: Дети, компьютеры и плодотворные идеи. – М.: Педагогика, 1989. – 234 с.
31. Пиаже Ж. Психология интеллекта. – СПб.: Питер, 2003. – 192 с.

32. Полухина М.В. Позитивное и деструктивное влияние Интернета на современную российскую молодежь // Молодежь и будущая Россия: Материалы Третьей всероссийской научно-практической конференции: Сб. науч. тр. / ИНИОН РАН. – М., 2008. – С. 465–469.
33. Попова И. Образование – человеческий и социальный капитал молодежи // Высшее образование в России. – М., 2007. – № 10. – С. 104–108.
34. Романенко Ю.М. Понятия «рефлексия» и «спекуляция» в античной философии // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. – СПб., 2000. – С. 3–12.
35. Романенко Ю.М. Стадия мифа в развитии самосознания ребенка // Философия детства. Ребенок в современном мире. – СПб., 1996. – С. 91–92.
36. Рыбальченко Р. Молодежь и ее интересы. Исследование // Интернет-ресурс «Интернет-маркетинг на Украине». – 2008. – Режим доступа: http://roma.net.ua/wp-content/uploads/2008/08/roma-net-ua_issledovanie.pdf
37. Смирнов В.А. Проблемы эффективности региональной молодежной политики // Молодежь и будущая Россия: Материалы Третьей всероссийской научно-практической конференции: Сб. науч. тр. / ИНИОН РАН. – М., 2008. – С. 41–48.
38. Смирнова Л.Г. Гуманистическое содержание национально-регионального компонента молодежной политики: Дис... канд. филос. наук. – Чебоксары: 2006. – 150 с.
39. Современная социальная теория: Бурдье. Гидденс. Хабермас. – Новосибирск, 1995. – 120 с.
40. Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Ред. кол.; отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 1999. – 736 с.
41. Тайлор Э.Б. Миф и обряд в первобытной культуре. – Смоленск: Русич, 2000. – 624 с.
42. Фромм Э. Иметь или быть. – М.: АСТ, 2007. – 320 с.
43. Хюбнер К. Истина мифа. – М.: Республика, 1996. – 448 с.
44. Хюбнер К. Прогресс от мифа через логос к науке? // Наука и религия. Междисциплинарный и кросскультурный подход / Под ред. И.Т. Касавина. – М., 2006. – С. 264–275.
45. Чистов В.В. Социально-психологический анализ ценностных ориентаций современной молодежи // Молодежь и будущая Россия: Материалы Третьей всероссийской научно-практической конференции: Сб. науч. тр. / ИНИОН РАН. – М.: 2008. – С. 271–274.
46. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: Монография. – М.: ТК Велби: Изд-во Проспект, 2005. – 432 с.
47. Шкаев Д.Г. Мифология и генезис интеллекта: Аргументы против педагогики // Credo new. – СПб., 2008. – № 2 (54). – С. 89–96.
48. Шкаев Д.Г. Роль молодежи в современной российской науке: Гуманитарный аспект // Молодежь и будущее цивилизации: Сб. мат. Международной конференции. – СПб., 2005. – С. 374–376.

49. Шкаев Д.Г. Социальный капитал и базовые ценности в молодежной среде. (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. научн.-информ. исслед. Отд. философии. – М., 2008. – № 1. – С. 180–184.
50. Ювенология и ювенальная политика в XXI веке: Опыт комплексного междисциплинарного исследования: Колл. монография / Под ред. Е.Г. Слуцкого. – СПб.: Знание: ИВЭСЭП, 2004. – 734 с.
51. Bridge Ratings Youth audience media use study 2007 // Bridge Ratings & Research, 2007. – Mode of access: http://www.bridgeratings.com/press_02.14.07-Youth%20Media%20Use.htm
52. Comte A. Die Soziologie. Die positive Philosophie im Auszug. – 7. Aufl. – Stuttgart, 1994. – 563 S.
53. Corney T. The problem of values // Youth Studies Australia, Hobart, Tasmania, Australia (v. 22, n. 2, 2004 (December). – Mode of access: <http://www.thefreelibrary.com>
54. De Sales T. Youth, hope & cultural creatives: possible conceptual connections // Youth studies Australia, Hobart, Tasmania, Australia (v. 24, n. 2, 2005 (June). – Mode of access: <http://www.thefreelibrary.com>
55. Erikson E.H. Kindheit und Gesellschaft. – 14. Aufl. – Stuttgart, 2005. – 400 S.
56. Mannheim K. Das soziologische Problem der Generationen. – Mode of access: <http://www.hausarbeiten.de/faecher/vorschau/113360.html#>
57. Osburn L. Social capital: a rural youth perspective // Youth studies Australia, Hobart, Tasmania, Australia, (v. 24, n. 4, 2005 (December). – Mode of access: <http://www.thefreelibrary.com>
58. Saunders R.A. Nationality: Cyber-Russian // Russia in global affairs, Moscow, Russia, v. 4 2004 (October/December). – Mode of access: <http://eng.globalaffairs.ru/numbers/9/716.html>
59. Solberg V.S.H. School-based social justice: the achieving success identity pathways program // Professional school counseling / American counseling association, United States (April 2006). – Mode of access: <http://www.thefreelibrary.com>